

В. Б. ЖИЖИНА-ГЕФТЕР

К ИСТОЛКОВАНИЮ ФРАГМЕНТА АРИСТОФАНА 663 KASSEL–AUSTIN*

Источником фрагмента Аристофана Arph. fr. 663 Kassel–Austin послужила глосса в *Etymologicon Magnum* s. v. κόλλωψ (526, 19–26), где между прочим приведена со ссылкой стихотворная цитата:

κόλλωψες τὰ τῶν ὑῶν καὶ βοῶν σκληρὰ δέρματα περὶ τοὺς τραχήλους □
<...> ἔλέγετο δὲ καὶ τὸ νωτιαῖον δέρμα <...>. Ἀριστοφάνης τὴν σκληρότητα □
Αἰσχύλου ἐνδεικνύμενος ἔφη
οἴμαι γὰρ αὐτὸν κόλλωπι εὐικένας
‘κόλλωψες называется жесткая шкура свиней и быков в области шеи
<...> называли так и кожу на спине <...> А Аристофан говорит, намекая на жесткость Эсхила: «На κόλλωψ он похож весьма, мне кажется»¹.

Собственно лемма не вызывает никаких вопросов. Тем сложнее объяснить пример, который приводит лексикограф: что общего у Эсхила с названным κόλλωψ? Замечание схолиаста — ἐνδεικνύμενος τὴν σκληρότητα — само по себе не обеспечивает определенности. Приведенная строка Аристофана до сих пор не отнесена однозначно ни к одной из его комедий, персонаж, о котором идет речь, прямо (и, как мы стараемся показать, верно) назван в тексте; смысл представляется темным.

Комментаторы Нового времени как будто бы не подвергали толкование античного филолога специальному разбору. Так, А. Майнеке приводит цитату из *Etym. Magn.* с единственным пояснением: «по моему мнению, фрагмент относится к *Геритаду*»¹; коммента-

* Автор выражает благодарность профессору А. К. Гаврилову за неоценимую помощь в работе над статьей и В. В. Зельченко, под руководством которого в 2005 г. впервые сформировался этот сюжет. Мы также благодарим коллег по Bibliotheca Classica Petropolitana и профессора Р. Р. Р. Смита (Линкольн-колледж, Оксфорд) за предоставленную возможность стажироваться в Великобритании (2011).

¹ Fr. 72 Meineke (Fragmenta poetarum comoediae antiquae. Vol. I–V / coll. A. Meineke. Vol. III. 2. Berolini, 1840. P. 1193). То, что эта строка относится к «Геритаду»,

© В. Б. Жижина-Гефтер, 2011

рии Т. Кока² и Ф. Блэйдза³ сосредоточиваются на соображениях относительно того, какой порядок слов в стихе признать наилучшим с точки зрения метрики⁴; издатель последней редакции фрагментов Дж. Хендерсон ограничивается переводом стиха⁵. В самом авторитетном ныне издании фрагментов у Касселя–Остина⁶ приводятся в качестве сходной оценки эпитет *στόμφαξ* (который получает тот же Эсхил в *Облаках*)⁷ и другие случаи употребления слова *κόλλωψ* у Аристофана. Их совсем немного: помимо разбираемого fr. 663 — Vesp. 574 и fr. 520 Kassel–Austin.

Более близкое истолкование существительного *κόλλωψ* — неизбежный путь к тому, чтобы понять и самую цитату, и замечание схолиаста. Это редкое слово впервые употреблено в развернутой метафоре у Гомера (Hom. Od. XXI, 407): Одиссей уверенной рукой натягивает лук, подобно тому, как кифаред перед игрой натягивает струны *νέφ περὶ κόλλωπι* — на новый колок своего инструмента⁸.

предполагалось также и в издании Бергка (*Incertarum fr. 72: Aristophanis fragmenta / ed. Th. Bergk. Berolini, 1840. P. 305*); ср. прим. 64 на с. 19).

² *Comicorum Atticorum fragmenta. Vol. I–III / ed. Th. Kock. Vol. I. Lipsiae, 1880. P. 552. Fr. 646.*

³ *Aristophanis deperditarum comoediarum fragmenta / rec. F. H. M. Blaydes. Halis Saxorum, 1885. P. 318. Fr. 634.*

⁴ Текст, предложенный в первой редакции (*Anecdota Graeca e codd. Manuscriptis bibliothecae regiae Parisiensis. Vol. I–IV / ed. J. A. Cramer. Vol. IV. Hildesheim, 1967* (репринт с изд. 1839–1841). S. 75, 4–6), не дает правильного триметра. У Блэйдза несколько подробнее, нежели у Кока, с учетом разночтения *ἔοικέναι: προσεῖκέναι: εἰκέναι*. См. также: *Poetae comici Graeci. Vol. I–VIII / edd. R. Kassel, C. Austin. Vol. III, 2: Aristophanes. Berlin, 1984. P. 343.*

⁵ *Aristophanes. Vol. I–V. Vol. V: Fragments / ed., transl. J. Henderson. Cambridge; London, 2008. Loeb Classical Library (502). P. 432–433.* То же — в более раннем собрании фрагментов Эдмондса (*The Fragments of Attic Comedy after [A.] Meineke, [Th.] Bergk, and [Th.] Kock. Vol. I–III / ed. J. M. Edmonds. Vol. I. London, 1957. P. 748–749*).

⁶ *Poetae comici Graeci / edd. R. Kassel, C. Austin... P. 343–344.*

⁷ Злые насмешки над Эсхилом (*Nub. 1366–1367: πρῶτον ἐν ποιηταῖς: // ψόφου πλέ-□ων, ἀξύστατον, στόμφακα, κρημνοποιόν*), вложенные Аристофаном в уста Фиддипида, — своеобразное резюме стилистических претензий комедиографа к Эсхилу (см.: *Bekker H. T. Aischylos in der griechischen Komödie: Diss. Darmstadt, 1915. S. 24–25*).

⁸ Исправление Дюнцера *νέην περὶ κόλλωπι χορδῆν* не кажется обязательным, и в большинстве изданий принимается рукописное чтение (см.: *Stanford W. The Odyssey of Homer. Vol. I–II. Vol. II. London, 1948. P. 369*). Действительно, не только струны, но и колки периодически подлежат замене.

В своем комментирующем своде XII в. Евстафий (1915, 16) дает обстоятельную подборку мнений по поводу гомеровского стиха и сводит воедино все известные ему значения для κόλλωψ⁹; именно их приводят теперь наиболее авторитетные словари греческого языка в качестве основных¹⁰:

1) *колок* музыкального инструмента, на который накручиваются струны; в результате развития значения — шарнир (cf. [Arist.] Mech. 852 b 12);

2) *толстая и жесткая шкура* (Eustath.: τὸ παχὺ δέρμα) у основания шеи быков или свиней (иногда — овец), откуда пошло и название блюда, приготовляемого из этой части туши (упоминается в Arph. fr. 520 Kassel–Austin);

3) *тот, кого отличает распутное поведение*, иногда о своднике — применительно к каким-то гомосексуальным практикам.

Хотя относительно значений лексикографы в общем соглашались между собой, толкования в словарных статьях располагаются в различном порядке. Так, словарь Х. Дж. Лиддела и Р. Скотта начинает по хронологии засвидетельствованных значений — со значения, актуального для места из *Одиссеи*. Напротив, *Thes. Graec. ling.* выстраивает значения сообразно смысловому критерию: открывает список «жесткая шкура» (*corium durius*), а колок (*verticullus*) оказывается на последнем месте, с пояснением: «Именем κόλλωψες называются они (колки) из-за материала, из которого сделаны»¹¹.

Какой именно материал имеется в виду, сразу сказать трудно. Очевидно, что κόλλωψ на заживке животного — это целый участок, т. е. холка. Здесь может иметься в виду как верхняя часть ее — шкура, так и то, что находится под шкурой — мясо или даже позвонок

⁹ Eustathius. Commentarii ad Homeri Odysseam / ed. J. G. Stallbaum: Vol. I–II. Vol. II. Hildesheim, 1960. S. 267–268 (репринт с изд. 1825–1839 гг.).

¹⁰ Наиболее скрупулезно значения κόλλωψ представлены в словаре Пассова (Handwörterbuch der griechischen Sprache / begr. von F. Passow, neu bearb. von V. C. F. Rost, F. Palm, O. Kreussler. Leipzig, 1847). Далее в хронологическом порядке: Griechisch-Deutsches Handwörterbuch / W. Pape, bearb. W. Sengbusch. Braunschweig, 1888. Dictionnaire étymologique de la langue grecque / ét. par É Boisacq. Heidelberg; Paris, 1916. A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. Oxford, 1968.

¹¹ Hase C. B., Dindorf G., Dindorf L. Thesaurus Graecae linguae ab H. Stephano constructus: Vol. I–VIII. Vol. IV. Paris, 1836. Sp. 1751. S. v. κόλλωψ.

животного. Что из этого могло быть использовано для изготовления колка?

Из гомеровского текста не очевидно, как выглядела описываемая деталь. Благодаря изображениям на вазах и археологическим находкам мы понимаем, что на античной лире *κόλλοψ* находились на верхней перекладине (*ζυγόν*)¹², но ничего более точного сказать нельзя. В определении Ж. Шайе¹³ эти сомнения с осторожностью выражены: «*κόλλοψ* — узкий кожаный ремешок (*lanière*) или колок (*cheville*) — служащий для того, чтобы удерживать струны на лире и подобных инструментах».

Между тем исследователи Нового времени с конца XIX — начала XX в. закрепляли за *κόλλοψ* сразу две функции. Согласно такой трактовке, это была полоса сыромятной кожи. Она должна была служить для крепления струны — и в то же время для того, чтобы струну подстраивать. В качестве аналогий приводили примитивный музыкальный инструмент *киссар* (потомок греческой *кифары*), который существует и сегодня у народов Северной Африки. Такое сопоставление стало практически *opinio communis*¹⁴. На это вполне обосновано возражали Э. Пельманн и Э. Тиши¹⁵: даже с точки зрения здравого смысла такая конструкция выглядит странно. Рассохшись (а это происходит очень быстро), звериная кожа перестает удерживать струну и, следовательно, становится бесполезной.

Можно было бы возразить, что *κόλλοψ* характерен для примитивных музыкальных инструментов, и что в конце V в. до н. э. его сменяет более удобная конструкция: привычный нам колок в фор-

¹² Схема лиры приведена, напр., в изд.: *Barker A. Greek Musical Writnigs. Vol. I: The Musician and His Art. Cambridge, 2004. P. 5.* Очень подробный «музыкальный» экскурс дан у Дарамбера — Сальо (*Reinach Th. S. v. Lyra // Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines de M. C. Daremberg et E. Saglio. T. III. 2. Graz, 1963. P. 1442–1443*). См. также: *Beck W. S. v. κόλλοψ // Lexikon des frühgriechischen Epos. Göttingen, 1982. Sp. 1475.*

¹³ *Chailley J. Contribution à une lexicographie musicale de la Grèce antique // Revue de philologie. 1977. Vol. 51. P. 188–201, esp. p. 193.*

¹⁴ См., напр.: *Anderson W. D. Ethos and Education in Greek Music: The Evidence of Poetry and Philosophy. Cambridge (Mass.), 1966. P. 4–6; Creese D. E. The Origin of the Greek Tortoise-Shell Lyre. Halifax, Nova Scotia, 1997. P. 96–99.*

¹⁵ *Poehlmann E., Tichy E. T. Zur Herkunft und Bedeutung des κόλλοψ // Serta Indo-germanica: Festschrift für G. Neumann / ed. J. Tischler. Innsbruck, 1982. S. 287–315, bes. 287 f.*

ме стерженька (πασσαλίσκος)¹⁶. Однако решение — еще более простое. Под определение κόλλου подходит следующая конструкция: узкая полоса звериной кожи плотным кольцом фиксировалась на перекладине лиры, чтобы струна не врезалась в дерево и не перетиралась (для настройки при этом использовалась специальная палочка, закрепленная чуть выше)¹⁷.

В таком случае акцент, сделанный на жесткости бычьего загривка, становится понятен, а эволюция значения кажется прозрачной: колок, сработанный из жесткой части свиного или бычьего загривка, сам получает его имя.

Однако это значение вряд ли может помочь нам для истолкования fr. 663: нет никакого указания на то, что автор леммы в *Etym. Magn.* связывает «жесткость» Эсхила с музыкальной сферой.

Помимо специального термина «колок» с понятием жесткой звериной шкуры связывается какой-то аспект гомосексуальности. Ясно, что развитие обценного значения должно было идти по другой линии, нежели развитие музыкального¹⁸.

¹⁶ Об эволюции представлений о способах крепления струны см.: Creese D. E. *The Origin...* P. 96. *Bélis A. Cithares, citharistes et citharôdes en Grèce // Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Oelles* — *Lettres*. 1995. T. 139. P. 1025–1065, esp. 1028–1029. Небольшую библиографию см.: *Repertorio bibliográfico de la lexicografía Griega / red. P. Boned Colera, J. R. Somolinos*. Madrid, 1998. P. 339.

¹⁷ Такое изображение — на знаменитом «Штандарте Войны и Мира» из Ура (Британский музей, инв. № ME 121201 [http://www.britishmuseum.org/explore/highlights/highlight_objects/me/t/the_standard_of_ur.aspx 25.03.2011]); видимо, аналогичным способом были закреплены струны на так называемой Лире царицы (Британский музей, инв. № ME 121198 a [http://www.britishmuseum.org/explore/highlights/highlight_objects/me/q/queens_lyre.aspx 25.03.2011]) и подобных инструментах.

¹⁸ В 1999 г. А. ди Джильо предприняла попытку объединить эти две линии и вписать κόλλου в предложенную ею классификацию музыкальных метафор в области обценной лексики (*Di Giglio A. Eufemismi e metafore musicali // Studi sull'eufemismo / ed. F. De Martino, A. H. Sommerstein*. Bari; Levante, 1999. P. 85–98). Если в других случаях ди Джильо иллюстрирует метафорическое употребление того или иного слова или словосочетания местами из авторов (κρούειν τῷ πλήκτρῳ в значении «заниматься любовью») [Plat. *Lys.* 209 b; *Arph. Eccl.* 618, 989 etc.] — *Ibid.* P. 90–91), то в нашем случае она ограничивается констатацией факта без какого-либо дополнительного анализа: κόλλου может иметь музыкальное значение «колок» (автор, следуя словарю «*A Greek-English Lexicon*» / comp. by H. G. Liddell, R. Scott, ссылается на Гомера [Od. XXI, 407], Платона [Rep. 531 B] и Поллукса [4. 62]), а может иметь значение, связанное с гомосексуальным партнерством, когда κόλλου имеет значение «кинед» (ссылка на эллинистическую эпиграмму (Dioscurides XIII Gow — Page / A. P. XII, 42).

Э. Пёльманн и Э. Тиши в статье о семантике слова κόλλοψ¹⁹, утверждают, что вообще толкование «толстая шкура» — это недоразумение, возникшее в позднее время. Причиной его, согласно аргументации Пёльманна и Тиши, стало допущенное на раннем этапе переосмысление. Первоначально κόλλοψ должно было означать «толстокожий» в переносном смысле, т. е. «человек, нравственно загрубевший»; лексикографы же позднейшего времени якобы поняли это буквально. Поэтому именно объяснение «κόλλοψ — человек, занимающийся развратом» отражено в большинстве античных глосс²⁰. Эту гипотезу в целом поддержал У. Слейтер, отметив, что пришел к ней независимо²¹. Он, впрочем, возражал против общенной трактовки κόλλοψ в качестве первой и обязательной, предлагая понимать «толстокожий» как «грубиян, бесчувственный» и считая, что эротическая коннотация развилась позже.

Предложенная теория вызывает некоторые возражения. Во-первых, при такой логике рассуждения переворачивается самый ход семантического развития лексемы: не от буквального значения к переносному, а наоборот. Кроме того, в греческой комедии для обозначения пассивной стороны однополых мужских отношений — *καταπύγωνες* — нередко употреблялись слова, сходные по смыслу с существительным κόλλοψ: «звериная шкура» (*μολγός*), «подгрудок быка» (*λωγάς*) и т. п.²² Поэтому, с нашей точки зрения, не стоит специально выделять κόλλοψ из этой группы.

Пёльманн и Тиши настаивали на том, чтобы принять в качестве преимущественного значения для κόλλοψ в аттической комедии значение «гомосексуалист» (в частности, такой, который предлагает свои услуги за деньги), т. е., видимо, *λόσχω*, нередко выступающий как *κίναδος*.

¹⁹ *Poehlmann E., Tichy E.* Zur Herkunft und Bedeutung des κόλλοψ. S. 287–315.

²⁰ *Ibid.* S. 294–295.

²¹ *Slater W. J.* Hooking in Harbours: Dioscurides XIII Gow — Page // *Classical Quarterly*. 1999. Vol. 49, No 2. P. 503–514, esp. p. 506–508.

²² *Henderson J.* The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. New York; Oxford, 1991. P. 212–213: «the image seems to be leather toughened by repeated rubbing (buggery)». См. также: *Hammarström M.* De vocibus scorti, scratiae, strittabillae // *Eranos*. Göteborg, 1925. P. 104–119. Ср.: *Frisk H.* Griechisches Etymologisches Wörterbuch: Bde I–III. Bd I. Heidelberg, 1960. S. 796–797 s. v. *κασαλβάς* (блудница) и *κασᾶς* (попона). Ср. рус. «шкура» применительно ad feminam.

Действительно, так у Дифила (fr. 42 Kassel–Austin: о сводниках, что охотно становятся предметом страсти, хотя им уже нелегко ее пробудить), у Евбула (fr. 10 Kassel–Austin: о «престарелых гомосексуалистах») ²³. Но для понимания аристофановского fr. 663 Kassel–Austin такое толкование помогает мало.

Во-первых, очевидно, что Аристофан (вопреки позиции Пёльманна–Тиши) не употреблял слово κόλλοψ исключительно в непристойном смысле. Сравним все три места в корпусе аристофановских текстов. В *Осах* κόλλοψ — «колок музыкального инструмента» (пусть и в переносном смысле): «τῆς ὀργῆς <...> τὸν κόλλοψ' ἀνεῖμεν» (Vesp. 574) ²⁴. В недошедшей до нас комедии *Ταχνηισταί* герой требует принести ему разных кушаний (fr. 520 Kassel–Austin). В частности, его занимает образ κόλλοψ καπριδίου νέου — «загривок молодого кабанчика» ²⁵. Здесь κόλλοψ выступает в словарном значении «холка»: кусок мяса с костью и, возможно, шкурой. Нет достаточных оснований и для того, чтобы истолковать в эротическом смысле последний случай употребления κόλλοψ у Аристофана — наш фрагмент (οἶμαι γὰρ αὐτὸν κόλλοπι εὐικένοι).

Пёльманн и Тиши, помещая fr. 663 в свою гипотезу, вынуждены были задаваться вопросом: если κόλλοψ у Аристофана непременно синонимично *pathicus*, то почему Эсхил, фигура которого в *Лягуш-*

²³ Совершенно очевидно, впрочем, что ничего определенного из такой характеристики не следует: налицо характерное понятийное обобщение. Поэтому автор комментария к Евбулу Р. Хантер предлагает считать, что термин κόλλοπες употреблялся применительно к неумным в своей порочности людям (см.: *Eubulus. The Fragments* / ed. R. L. Hunter. Cambridge, 2004. P. 40, 99–101).

²⁴ Эта красивая метафора вошла в некоторые словари (напр., *A Greek-English Lexicon* / comp. by H. G. Liddell, R. Scott).

²⁵ Э. Пёльманн и Э. Тиши выдвигали предположение, что fr. 520 не стоит понимать буквально. Согласно их гипотезе, за названием каждого блюда должна стоять какая-то двусмысленность или непристойность (*Poehlmann E., Tichy E. Zur Herkunft und Bedeutung des κόλλοψ... S. 295–296*). Слейтер тоже отмечает такое толкование как возможное (*Slater W. Hooking in Harbours... P. 507*). Впрочем, согласиться с этим нельзя. Отметим, что в латинском переводе В. Диндорфа (Fr. 422 Dindorf. *Aristophanis fabulae superstites et perditarum fragmenta* / ex rec. G. Dindroffii. Lipsiae, 1877. P. 504) обошлось без подобных коннотаций, а сочетанию κόλλοψ καπριδίου νέου соответствует перевод «<capri>iuvenis cervicem».

ках по меньшей мере монументальна, выступает в столь нехарактерной для себя роли?²⁶

Единственное решение (предлагаемое, правда, с некоторым сомнением) достигается исправлением текста. Пёльманн–Тиши предлагают считать, что инвектива Аристофана обращена не против Эсхила, отца трагедии, а против второразрядного трагика Эскина, которого Аристофан высмеивает также в *Осах* (Vesp. 459, 1220, 1242) и *Птицах* (Av. 823). Однако об этом Эскине известно настолько мало, что в этом решении угадывается *ultimum refugium*: ни в одном из высказываний об Эскине не дается и намек на его нестандартные наклонности — при всей стандартности самой инвективы.

Следовательно, надлежит искать другое объяснение для свидетельства лексикографа, что Аристофан выделял Эсхила за какую-то особую «жесткость» (τὴν σκληρότητα Αἰσχύλου ἐνδεικνόμενος).

Посмотрим внимательно на позицию Аристофана относительно поэтической манеры Эсхила. Она неоднократно сформулирована самим комедиографом. Аристофан порицает «отца трагедии» за тяжелый слог и напыщенный стиль, в то же время отдавая ему должное как признанному мастеру слова и «учителю нравственности». Постоянным оппонентом и прямой противоположностью Эсхила выступает у Аристофана Еврипид: за искусно сделанным текстом скрываются ложные ценности и неуважение к традиции. Нельзя не согласиться с ироническим комментарием К. Доувера: в мире Аристофана «bad people like Euripides while good people like Aeschylus»²⁷.

Непосредственное состязание великих мы видим в *Лягушках*. Агон предваряет длинная песня Хора (Ran. 814–829) с описанием предстоящей битвы, полная иносказаний и метафор. Фактически поединок Еврипида и Эсхила начинается уже здесь: манеру письма обоих авторов Аристофан пародирует мастерски, доводя до абсурда литературные приемы каждого из них, с искусным исследованием

²⁶ Poehlmann E., Tichy E. Zur Herkunft und Bedeutung des κόλλοϋ. S. 296. Против отождествления Эсхила с pathicus возражал также У. Слейтер (Slater W. Hooking in Harbours... P. 507–508).

²⁷ Aristophanes. Frogs / ed. K. J. Dover. Oxford, 1993. P. 17. Для сравнения приведем fr. 720 Kassel–Austin: «после смерти Эсхила все кругом потемнело» (точных сведений об источнике этого фрагмента у нас нет, но в издании В. Диндорфа [fr. 563] он отнесен к *Гермаду*).

характерного вокабулярия пародируемых авторов (хотя учитываются и некоторые другие стороны их стиля)²⁸.

Первым объектом насмешек для Еврипида и Диониса, а вместе и первым объектом пародии для самого Аристофана оказывается слишком тяжелая, затрудненная речь Эсхила, не в меру насыщенная неуклюжими композитами. На протяжении всего агона ему то и дело будут припоминать различные витиеватые слова²⁹. Напротив, в параллель речам и уловкам Еврипида выступают лексемы и метафоры, связанные с ухищрениями ремесел (Ran. 819 etc.). Аристофан старательно разрабатывает тему «мелочности» Еврипида и (на фоне его сомнительного происхождения) близости его языка к языку афинских площадей³⁰ не только ради пародии, но и для того, чтобы подчеркнуть: Еврипид и его изощренный, но легковесный стиль обнаруживают свою «мелкотравчатую» природу при сопоставлении с величественной поэзией Эсхила и самим Эсхилом.

Последний постоянно у Аристофана сравнивается то со стихийным бедствием³¹, то с величественными животными, под стать хоть бы и эпосу — в первую очередь с конем. В песне Хора (Ran. 814–829) несколько раз звучат нарочито громоздкие композиты с первым элементом *ἵπλο-*, то позаимствованные Аристофаном непосредственно у Эсхила, то придуманные «под Эсхила»: *ἵπλοβάμων* (Ran. 821), *ἵπλόλοφος* (Ran. 818), *ἵπλόκρημος* (Ran. 929).

²⁸ Согласно версии В. Т. Мусбаховой, и хоровая партия, и последующий агон пародируют не творчество Эсхила в целом, а конкретную сцену (диалог Прометея и Океана) из трагедии *Прометей Прикованный* (Мусбахова В. Т. Сравнительно-историческое изучение текста и проблемы авторства (на материале трагедии *Прометей Прикованный*: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. С. 49–52). Во многом разделяя мнение автора и отдавая должное положениям его труда, мы тем не менее не можем согласиться с названным тезисом. Разговор Эсхила и Диониса — скорее «пучок» пародийных аллюзий, нежели единый «пародийный залп» (Ibid.), как предлагает считать В. Т. Мусбахова.

²⁹ Ср. знаменитые «*σαλπυγολογυπληνάδα, σαρκασμοπιτυοκάμπται*» (Ran. 966) etc. (особенно Ran. 959–967).

³⁰ О последнем, впрочем, Еврипид в *Лягушках* с гордостью говорит как о характерной особенности своего творчества (Ran. 946–979).

³¹ Ср. призыв Диониса «*Ἄρν' ἄρνα μέλανα, παῖδες, ἔξενέγκατε! Τυφῶς γὰρ ἔκβαίνειν παρασκευάζεται*» (Ran. 847): меры, предназначенные утихомирить гнев Эсхила, сопоставимы с приготовлениями перед надвигающимся ураганом.

Эти эпитеты характеризуют лексику Эсхила и вне этой задачи у Аристофана не появляются. Шантрен предлагал понимать ἴπλο- как префикс с увеличительным значением.³² На первый взгляд, это звучит здраво: Эсхил подвергается критике за чрезмерный размах и страсть к образованию слишком громоздких слов («очень лохматый» — ἴπλόλοφος, «очень крутой» — ἴπλόκρημος).

И все-таки не во всех случаях мы можем рассматривать ἴπλο- как аугментатив.

Например, понимание ἴπλο- исключительно в интенсификационном значении приводило к недоразумениям с аристофановским составным зоонимом «конепетух» (ἴπλαλεκτρυόν [Ran. 934, 937]), которого некоторые старые комментарии считали просто «очень большим петухом» (из-за свидетельств Фотия и Гезихия.³³ Однако позднее благодаря иконографической традиции было окончательно доказано, что это действительно вымышленное существо, нелепое сочетание петуха и лошади³⁴. Каждый элемент слова — значащий.

То же относится в нашем случае и к большинству пародийных эпитетов. В ἴπλόλοφος безусловно нужно понимать первый корень буквально («слова с конской гривой», «пышногривые слова»)³⁵; ἴπλόκρημος — гапакс, притом можно догадываться, что слово придумано комедиографом нарочно с целью пародии³⁶; что же до

³² *Chantraine P. Dictionnaire Etymologique de la Langue Grecque: Histoire de mots: T. I–V. T. II. Paris, 1970. P. 467. S. v. ἴπλόκρημος: préfixe augmentative.* Доувер в комментарии ad loc. соглашался с Шантреном, отказывался от буквального понимания префикса, приводя в подтверждение Ran. 929 и менандровское ἴπλόπορος (Men. Theop. 19).

³³ Подробнее см.: *Lamer J. Hippalektryon // Pauly–Wissowa Realencyclopädie der dassischen Altertumswissenschaft. Bd VIII, Abd 2. Stuttgart, 1913. Sp. 1651–1656.*

³⁴ *Williams D. Hippalektryon // Lexicon Iconographiae Mythologicae Classicae. Vol. V, No 1. Zürich; München, 1990. P. 427–432.*

³⁵ В пользу того, что ἴπλόλοφος — не пародийный окказионализм, свидетельствует выразительная лесбосская эпиграмма (IG, 12, 2, 129, 4). Образ «шлемов с конскими султанами» (ἴπλόλοφοι κόρυθες) возникает в ней совершенно естественно. Отметим, что речь идет скорее о некоем символе, атрибуте войны, нежели конкретном предмете.

³⁶ Возможно, ἴπλόκρημος — тонкая игра Аристофана на созвучии композита с топонимом «Ἴπλου κρήνη», в духе ἀπρόσδοκῆτον, как в Ran. 85 (Дионис об эмиграции поэта Агафона в Македонию: Ἐς μακ... ἄρων εὐωχίαν).

ἵπποβάμων, то оно встречается в языке как в буквальном, так и в переносном значении³⁷.

В сочетании ἵπποβάμονα ῥήματα (Ran. 821) употреблено эсхилловское слово, которое может означать как «передвигающийся на коне» (Aesch. Prom. 803–807), так и «выступающий подобно коню» (Aesch. Suppl. 284–286; о верблюдах). Однако с известной периодичностью этот композит осмысливается как «коннотопый», «тот, у кого конский ход / шаг». Именно так истолковал ἵπποβάμων, даже применительно к «λόγοι», составитель схолиев к *Лягушкам*³⁸. Ясно, что просто величину ἵππο- здесь никак не означает; речь идет о словах, «высшихся так, будто бы они взгромоздились на коней» (или же — «как будто бы они — кони»): величина, скорее, следует из этого эпитета вместе с другими коннотациями («надменность», «высокопарность», «значительность»)³⁹. Аналогично может быть объяснена ситуация с ἵππόλοφος в ст. 821: ἵππο- означает «с конским гребнем на шлеме», и наряду с κορυθαίολα νείκη дает пародию на эсхилловские описания — «битвы, в которых вместо шлемов с конскими гребнями туда-сюда летают взаимные поношения»⁴⁰.

Поэтому однозначно согласиться с П. Шантреном и последовательно понимать ἵππο- как усилительный префикс кажется несколько односторонним. Надо признать, что аристофановское ἵππο- не выступает как аугментатив в чистом виде⁴¹, грамматикализация префикса не доходит до конца и образ коня так или иначе присутствует перед внутренним взором говорящего⁴².

³⁷ Soph. Trach.1096–1101: о кентаврах; ср. эсхилловское ἵπποβάτης и Schol. Ran. 230, где объясняется эпитет Пана κεροβάτης, или τραγοβάμων, понимаемое буквально.

³⁸ Schol. Ran. 821: ταῦτα δὲ λέγει, ἐπειδὴ τοιοῦτοις ὀνόμασιν Αἰσχύλος ἐκέχρητο κτύπον ἀποτελοῦσι.

³⁹ Такого же мнения придерживался Ж. Тайарда (*Taillardat J. Les images d'Aristophane. Paris, 1965. § 503. P. 284*), называя ἵπποβάμονα ῥήματα «аристократами среди прочих слов», которые разделяют вкусы афинской аристократии и уважают верхнюю езду.

⁴⁰ Л. Радермахер видит в этом пародию на гомеровское ἵππόκομος — также ради обыгрывания сходства в звучании λόγων — λόφων (*Aristophanes' 'Frösche' / Einl., Text und Komm. von L. Rademacher. Wien, 1954. S. 261*).

⁴¹ Ср.: *Муссахова В. Т. Сравнительно-историческое изучение текста...* С. 50–51.

⁴² Сходный характер имеет сюжет об аугментативе λα-, подробно разбираемый и в конце концов опровергаемый А. К. Гавриловым (*Гаврилов А. К. λα ἐπιτακόν: филологические заметки о мнимом аугментативе // Linguistica et philologica: Сборник статей к 75-летию проф. Ю. В. Откупщикова. СПб, 1999. С. 23–44*).

Другое внушительное животное, которому Аристофан уподобляет Эсхила — бык.

В тексте *Лягушек* такое сравнение впервые звучит в беседе сплетников-слуг (Ran. 802–803):

ΞΑ. ἢ που βαρέως ὄμμα τὸν Αἰσχύλον φέρειν.
ΟΙ. ἔβλεψε γοῦν ταυρηδὸν ἐγκύψας κάτω.⁴³

Затем Еврипид, высказывая свои стилистические претензии, объявляет (ст. 923–924):

Κἄλειτ' ἐπειδὴ τὰυτα ληρήσειε καὶ τὸ δρῆμα
ἤδη μεσοίη, ῥήματ' ἄν βόεια δώδεκ' εἶπεν...

Удивительный эпитет ῥήματα βόεια, который получают речи Эсхила, с античных времен толковался единообразно. В первую очередь в схолиях ad locum сообщается: βόεια· μεγάλα καὶ κτύπου πλέα, ὀφρῦς ἔχοντα, ὑψηλὰ καὶ ὑπερήφανα (Schol. Ran. 924)⁴⁴. С этим соглашается абсолютное большинство как комментаторов (от В. Диндорфа до К. Доувера),⁴⁵ так и исследователей языка Аристофана⁴⁶: называя слова «бычьими», комедиограф подчеркивает их огромный размер и нескладность. Традиционно считалось, что размер — единственное, что в идиолекте Эсхила связывается с быками.

К. Доувер приводит в качестве параллели к традиции префикс βου-, который, как правило, выступает аугментативом⁴⁷. Мно-

⁴³ Ср. Plat. Phaed. 117 b 5: Сократ смотрит, набычась, на своих тюремщиков; Eur. Med. 92: описание злобнейшей Медеи.

⁴⁴ По изд.: *Dübner F. Scholia Graeca ad Aristophanem cum prolegomenis gramaticorum...* Hildesheim, 1969. P. 301 (репринт с изд. 1837 г.). Почти такую же трактовку, в несколько более лаконичном виде, обнаруживаем в словаре *Σύδα* s. v. βόεια со ссылкой на разбираемое место из Аристофана.

⁴⁵ *Aristophanis comoediae...* / rec. G. Dindorf... P. 351: «verba quaedam grandia»; *Aristophanis Ranae* / ed. J. F. Van Leeuwen. Leiden, 1896. P. 142: «verba aliquot ingentia, severa, martia, horrifica, obscura jactabat A[eschylus]»; *Aristophanis Ranae* / Ed. W. Stanford. London; New York, 1958. Ad loc.: «as dozen-oxen-like (i. e. huge and bumbering) words»; *Aristophane* Vol. I–V / ed. V. Coulon, H. Van Daele. Vol. IV. Paris, 1962. Ad loc.: «mots gros comme des bœufs, sourcilleux et empanachés»; *Aristophanes. Frogs* / ed. K. J. Dover. Oxford, 1993. P. 308: «as big as oxen».

⁴⁶ *Taillardat J. Les images d'Aristophane.* § 499. P. 280: énormes comme des boeufs; *Шестаков Д. П. Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана.* Казань, 1912. С. 147–148.

⁴⁷ *Aristophanes. Frogs* / ed. K. J. Dover. P. 308.

го примеров интенсификационного значения названы s. v. βου- у П. Шантрена⁴⁸.

Идут споры о том, в какой именно момент за префиксом βου- закрепляется значение гиперболизации, отодвигая на второй план буквальную трактовку элемента⁴⁹. Однако сам тезис не подвергается сомнению: в греческом языке эпохи классики и эллинизма слова с первым корнем βου- встречаются довольно часто (в том числе у Аристофана) и имеют усилительное значение. Впрочем, случаи, когда βου- нужно понимать буквально, тоже не редкость. Наряду с экзотическим βουπλανόκτιστος (Luc. Alex. 29 — город, «основанный блуждающей короной») существует достаточно обычных бытовых слов. Бывает также, что интенсивное значение префикса сохраняет связь с буквальным: так в прилагательном βούφαρτος (A. P. VI. 222) — согласно глоссе в *Словаре* Гезихия, «несущий много». Мы сказали бы: «несущий большую ношу, какую снес бы разве что бык».

Как раз на это обращает внимание Доувер, когда комментирует Rap. 924. Он истолковывает сочетание ῥήματα βόεια как «слова большие, словно быки»⁵⁰. Однако такое толкование не вполне подтверждается примерами, которые он приводит. И «βόεια κρέα» (Plat. Rep. 338 C), и «γάλα βόειον» (Eur. Cycl. 216–218) должны быть трактованы буквально. Прилагательные, образованные по такой модели

⁴⁸ Также Шантрен (*Chantraine P. Dictionnaire Etymologique... Vol. I. Paris, 1968. P. 187. s. v. βου-*) в качестве аналогии указывает образования на μεγα- и ερι- (ср.: *Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch... Bd I. S. 557–558. Bd. II. S. 189–190*). Вслед за А. Соммерстейном (*Sommerstein A. The Anatomy of Euphemism in Aristophanic Comedy // Studi sull'eufemismo / ed. F. De Martino, A. H. Sommerstein. Bari; Levante, 1999. P. 183–217, esp. p. 215*) отметим, что μεγα- (и в качестве определения, и как первый элемент композита) может иметь смысловую связь не только с физическим размером объекта, но и с его важностью, т. е. употребляться в смысле «значительный», «существенный», как в Rap. 1099 — μέγα τὸ πρᾶγμα («важное дело»).

⁴⁹ И. Лагач (*Latacz J. Zum Wortfeld «Freude» in der Sprache Homers. Heidelberg, 1966. S. 128–130*), комментируя Hom. Od. XVIII. 79 (бранное обращение Антиноя к Иру βουγάϊε), доказывал, что значение «интенсификации» было свойственно βου- с самого начала — уже у Гомера. В этом он полемизирует с Л. Дж. Д. Ричардсоном (*Richardson L. J. D. The Origin of the Prefix βου- in Comedy // Hermathena. 1961. Vol. XCV. P. 53–63*), который предполагал, что βου- не употреблялось в качестве аугментатива до древней комедии — или, в частности, до Аристофана (он даже осторожно выдвигает предположение, что это нововведение самого Аристофана [Ibid. P. 60]).

⁵⁰ *Aristophanes. Frogs / ed. K. J. Dover. P. 308.*

и имеющие сходное значение («похожий на животное» или «похожий на что-либо принадлежащее соответствующему животному»), очень часто употребляются применительно к мясу или шкурам⁵¹. К βόειος это относится в первую очередь⁵²: как большинство слов с таким суффиксом, это прилагательное означает «принадлежащий быку», «связанный с быком»; размерность здесь факультативна. Естественно понимать ῥήματα βόεια применительно к Эсхилу так: речь его не просто «велика, как бык», но и вообще грандиозна, как все бычье (напр., звук, издаваемый быком)⁵³.

Кроме того, не нужно забывать, что в слове βόειος аугментатив βου- как таковой вообще не представлен, — а ведь Доувер апеллирует именно к нему. Следовательно, здесь мы имеем как раз тот случай, когда внутренняя форма слова сохраняет свою актуальность⁵⁴.

Становится очевидно, что традиция толковать ῥήματα βόεια только как «слова огромного размера» сложилась в первую очередь под обаянием глоссы в *Суде*, а затем — по аналогии с частым употреблением βου- в качестве аугментатива.

Мы уже убеждались, что Аристофан последовательно проводит представление об Эсхиле как о фигуре монументальной, а поэзию Эсхила он называет божественной «δράμα Ἄρεως μεστόν»

⁵¹ Сравним по LSJ: τράχειος — сделанный из козла или козлиной шкуры (Theocr. V. 53 etc.); ἐλάφειος — сделанный из оленя; у поздних авторов также «сделанный из оленьей шкуры» (Dio. Chr. VII, 22: δύο ἐλάφεια δέρματα); οἰεῖος — сделанный из овцы или принадлежащий ей; у Геродота в словосочетании «овечья шкура» (Hdt. V. 58, 14–15); βειος — сделанный из свиньи или принадлежащий ей; αἰγέειος — принадлежащий козе, часто — козлиная шкура (ср. знаменитый шлем из козлиной шкуры [Hom. Od., XXIV, 231: αἰγέη κονέη]) и т. д.

⁵² Hom. Od. XIV, 24; Athen. VII, 4, 8; Gal. De temp. I, 630, 2 et passim; et al. Шантрен также отмечает большую частотность такого употребления (*Chantraine P. Dictionnaire Etymologique... Vol. I. s. v. βου-*).

⁵³ Уместно вспомнить четвертый номер в цикле «Картинок с выставки» gis-moll M. П. Мусоргского «Sandomirzsko bydło». Образ тяжело шагающих упряжных волов неизбежно возникает у слушателя благодаря монотонности ритма и мощному использованию звуков нижнего регистра.

⁵⁴ Можно сравнить с русским «слоноподобный»: конечно, этот эпитет уже не означает буквально «внешне похожий на слона» (ср. просторечное «слоноподобный топот»); также ср. немецкие фразеологизмы «gesund (hungrig) wie ein Bär», английское «get on high horse» («вести себя высокомерно») и т. д. Комплекс значений во всех этих случаях шире, нежели аугментативность, — он подразумевает не только размер, но и сходства с иными свойствами животных.

(Ran. 1021), сопряженной со стихийными бедствиями (Ran. 847, 902–904). В Ran. 1013–1017 аристотелевский Эсхил подробно рассказывает, из чего состоит его поэзия: тут и воинское оружие, и крепость тела, и духовная мощь. Когда речь заходит об афоризмах, появляется образ подводы, заваленной трупами: (Ran. 1403: ἐφ' ἄρματος γὰρ ἄρμα καὶ νεκρῶ νεκρός...)⁵⁵.

Отметим вновь возникающий в Ran. 1017 эпитет ἐπταβόειος — на этот раз в устах Эскила, в качестве положительной характеристики. Говоря о «семибычьем», т. е. особенно выдающемся мужестве граждан (θῦμοι ἐπταβόειοι), понимать эпитет нужно широко, имея в виду не только размер, но и общую мощь животного.

Еще одна параллель, которой нельзя пренебречь — знаменитый гомеровский σάκος ἐπταβόειος (Hom. II. VII, 222, 245, 266; XI, 545 etc.). А. Sommerstein справедливо утверждает⁵⁶, что в памяти образованного афинского зрителя гомеровская аллюзия должна была возникнуть уже в Ran. 924, когда в реплике Еврипида впервые появились ῥήματα βόεια. Совершенно ясно, что у Гомера речь шла не только о величине щита, но и о послужившем для него материале («щит из семи шкур»)⁵⁷. Соответственно и чрезмерное увлечение Эскила составными словами вызывает насмешки не только из-за их величины, но и из-за некоторой стилистической топорности — можно подумать, что их делали из бычьей шкуры!⁵⁸

В свете изложенных выше деталей, из которых формируется образ Эскила у Аристофана, становится понятнее и fr. 663 Kassel–Austin, с которого мы начали наше рассуждение. Схолиаст утверждает, что Аристофан-де намекал на «жесткость» Эскила и поэтому называл его κόλλοψ. Исходное значение слова κόλλοψ «жесткий зве-

⁵⁵ В развитие того же образа Аристофан говорит об Эскиле κρονοποιῶν — «изготовитель шлемов» (Ran. 1018).

⁵⁶ The Comedies of Aristophanes: Vol. I–XI. Vol. IX: Frogs / ed. A. Sommerstein. Warminster, 1999. Ad loc.

⁵⁷ Ср. также: Hom. II. V, 452 = XII, 425 («бычьи» щиты — конечно, сделанные из бычьей шкуры); XII, 296 — также описание щита, обтянутого бычьей шкурой и т. д.

⁵⁸ Также для Ran. 1017, где Эсхил описывает принесенный им городу «θῦμος ἐπταβόειος», можно вспомнить толкование из схолиев «Ἄντὶ τοῦ μεγάλους ἀπὸ μεταφορᾶς τῆς ἀσπίδος τοῦ Αἴαντος» (Schol. ad loc.). Понятно и то, почему «θῦμοι ἐπταβόειοι» попали в этот каталог оружия, и саркастическая реакция Еврипида (Ran. 1018).

риный загривок» удачно вписывается в создаваемый Аристофаном образ; проясняется как сам фрагмент (οἶμα γὰρ αὐτὸν κόλλοπι □ ἐοικέναι), так и лаконичный комментарий из *Etym. Magn.* (τὴν □ σκληρότητα Αἰσχύλου ἐνδεικνύμενος).

Хотя из этого пассажа непонятно, о каком конкретно животном идет речь, в общий контекст хорошо вписывается именно *бычий* κόλλοπι. Д. П. Шестаков замечал: «...Вообще греки охотно вносят в свои сложные (слова. — В. Ж.-Г.) элемент βοῦς для обозначения всего тяжелого, неумного, неповоротливого...»⁵⁹. Выше он рассуждает о том, что у современников Аристофана слова с префиксом βοу- нередко имеют еще одну коннотацию: отсылку к простой, «деревенской» жизни. Сравним с fr. 706 Kassel–Austin⁶⁰, где «женоподобный» городской язык противопоставлен грубому «деревенскому». Кассель–Остин отмечали сходство этого фрагмента с fr. 663, проводя, очевидно, параллель между стилистической «жесткостью» Эсхила, на которую ссылается схолиаст в последнем, и эпитетами ἀνελεύθερος, ὑπογρακότερα в fr. 706.

Хорошей аналогией, подтверждающей такое развитие понятия, может служить и уже упоминавшийся fr. 520 Kassel–Austin, где снова фигурирует κόλλοπι. «Хватит с меня анчоусов!⁶¹ — кричит герой комедии Ταυρηισταί. — Несите печенку, свиной загривок, пирог!..»: яства изобильные, не какие-нибудь замысловатые, но простые, *натуральные*, рассчитанные не на удовлетворение гурмана, а на радостное насыщение человека со здоровым аппетитом⁶². Этой грубоватой простоте Аристофан и те, кому он сочувствует, отдают

⁵⁹ Шестаков Д. П. Опыт изучения народной речи... С. 19.

⁶⁰ Fr. 706 Kassel–Austin: Διάλεκτον ἔχοντα μέσην πόλεως // Οὐτ' ἀστεῖαν ὑπο-□ θηλυτέραν // Οὐτ' ἀνελεύθερον ὑπογρακότεραν.

⁶¹ В оригинале употреблено слово ἀψύη — анчоус, сардинка (в глоссарии д'Арси Томпсона предложен английский перевод «whitebait» — сеток). Эта же рыбка появляется у Аристофана в «Ахарнях», в знаменитой сцене «натурального обмена» (Ach. 872–909) — именно сетков предлагает Дикеополь беотийцу в обмен на деликатесных угрей. Вероятно, аттические сетки отличались повышенным содержанием жира — это следует и из нашего фрагмента, и из аристотелевского пассажа (Arist. Hist. Anim. 569 b 22), на который специально указывает д'Арси Томпсон (*Thompson D'Arcy W. A Glossary of Greek Fishes. London, 1947. P. 21–23*).

⁶² Такой заказ напоминает стол Собакевича: помимо хрестоматийного бараньего бока с кашей у Собакевича подавался, к примеру, фаршированный различный снедью индюк, пироги — и меню этим не исчерпывалось.

предпочтение перед разнообразными изысками — как в кулинарии, так и в интеллектуальной жизни. Олицетворением такой простоты в литературе, безусловно, становится Эсхил, так как своими произведениями он дает читателю «здоровую пищу».

То, что Аристофан нередко играл на сопоставлении грубой пищи и безыскусного литературного стиля, подтверждает и fr. 688 Kassel–Austin: в Афинах-де не любят ни кислых вин, ни чересчур жестких поэтов: ...Ἀριστοφάνης <...> φησί <...> τὸν Ἀθηναίων δῆμον οὔτε ποτηαῖς ἤδεσθαι σκληροῖς καὶ ἀστέμφεσιν οὔτε πρᾶμνίοις [σκληροῖσιν] οἴνοις...⁶³

Вполне вероятно, что у Аристофана — в одной или нескольких пьесах (предположительно в *Геритаде*) — присутствовал мотив, согласно которому творчество каждого аттического поэта уподблялось кушанью и оценивалось с точки зрения «съедобности» (в дополнение к приведенному ср. fr. 158, 595 Kassel–Austin и др.). В этом случае становится понятной логика Майнеке и Бергга, относивших fr. 663 именно к *Геритаду*⁶⁴.

Казалось бы, можно найти возражения: например, в Ran. 823–824 (Хор говорит: «δεῖνὸν ἐπισκύνιον ξυνάγων, βρυχώμενος ἦσει // ῥήματα γομφολαγή») эпитет γομφολαγή соблазнительно трактовать как упрек, брошенный Эсхилу за непомерный размер композитов. Но нельзя забывать, что «сколоченные гвоздями» слова состоят из категорически несовместимых частей⁶⁵. Таким образом, здесь также имеется в виду не только размах эсхиловской речи (или стиха), но и «негибкость», «топорность» его поэзии в целом⁶⁶.

⁶³ Сходным образом в первом стихе fr. 158 Kassel–Austin (καὶ πῶς ἐγὼ Σθενέλου φάγοιμ' ἄν ῥήματα). Незадачливый трагик Сфенел пишет «несъедобно»: усвоить и осмыслить его текст читателю нелегко. Это еще один аргумент в пользу «жесткости».

⁶⁴ Вообще можно предположить, что в *Геритаде*, как и в *Лягушках*, присутствовала последовательная и подробная критика и разбор творчества авторов, в частности — Эсхила.

⁶⁵ См. прим. 29; ср. также нелепые зоонимы. Конепетухи и козлоолени (Ran. 936) — безусловно, чудовища, которых без гвоздей не сколотить.

⁶⁶ Несколько иначе оценивал Ran. 824 Д. Мюллер. Он исследовал историю слова γομφος и вслед за схолиями ad locum считал ῥήματα γομφολαγή приметой «крепкого поэтического искусства», т. е. слова «прочно сбитые». Fr. 663 он привлекал в качестве параллели и тоже понимал κόλλοις в буквальном смысле — «жесткий загривок быка» (Müller D. Handwerk und Sprache: Die sprachlichen Bilder aus dem Bereich des Handwerkes in der griechischen Literatur bis 400 v. Chr. Meisenheim am Glan, 1974. S. 54–56.).